

ВАЛЕРИЙ АЛЕВ
Valery Aleff

РИТА
RITA

FOREWORD

Rita is one of the four women who took part in creating this cycle of poems that testifies to my infatuation with poetry, rather than to the magnificence of what may be defined as my 'stock of love'. Daily, in my library, I look for my favourite poets; but Pasternak is not of their number, although I do enjoy some aspects of his poetry – Lara, among other characters. In the film inspired by *Doctor Zhivago*, we have an opportunity to watch one of my favourite actors, Alec Guinness, who shows the doctor's poems to his supposed daughter. The cycle is entitled *Lara*. I don't think I would have entitled *my* cycle *Rita* if Pasternak had followed in his protagonist's footsteps, devoting a book of poetry to Lara, alias his last mistress. His *last* mistress? I may be wrong, for my knowledge of Pasternak's life and literary output is rather scanty, but I do admire Alec Guinness, especially his contribution to *King Lear* where he excels to the point of eclipsing his outstanding peers: Laurence Olivier and Paul Scofield.

Anyway, Rita is one of the four women whose imperial personae saturated my life and almost suffocated it – the episode lasted three months – so that I had no alternative but to write these poems in which bouts of depression alternate with elation. While engaged in the ritual I have known for five decades – writing poetry *is* a ritual – I did my best to hold the ever-receding material, creating and overcoming the obstacles on which Paul Valéry enlarges so eloquently in his notebooks. In Book VIII of the *Odyssey* we read that the gods weave misfortunes into the pattern of events to make a song for future generations to sing. But if these misfortunes fail to inspire a poet, being too colourless, too harmless, he should dramatise them at his own expense.

When counting the poems I wrote in Russian, I made a mistake that shows how utterly estranged I now am from mathematics of which I was extremely fond in my childhood. I thought I had written 33 poems, which reminded me of Dante's *Commedia*, of his *Purgatorio* and *Paradiso*. There are 34 cantos in the *Inferno* and so I thought my poetic love was entirely confined to the higher spheres of Dante's universe. When I finally realised there were only 28 poems in Russian, I recalled my commentary on the *Inferno* and my abridged version of Dante's most famous masterpiece. To tell the truth, I don't take the *Inferno*'s entrance hall at face value. How indeed can one agree with Plato being put in the First Circle, along with other virtuous heathen? In my commentary on the *Commedia*, the First Circle of Hell coincides with Dante's Second Circle, with Canto V where suffer the souls of carnal sinners. (Thus *my* version of the *Inferno* contains only 29 cantos.) Actually Rita has far more affinities with Francesca than with Beatrice; yet in this cycle she usurps the latter's place and I can no longer intervene on poor Beatrice's behalf.

A few days ago, I said to the real Rita upon offering her my book: 'Don't take this too seriously – I'm a poet after all.' Only poetically was I in love with those women, but anyway love does not belong in Purgatory, whatever I might have thought when counting the number of poems included in the book. There are 33 poems in English and at some point I realised I had mixed two Russian poems instead of letting them assume their separate identities. To cut a long story short, in the definitive version of the cycle there are 29 Russian poems – my version of the *Inferno* – and 33 poems in the English language which, according to a friend of mine, I use as a metaphysical tool. In the domain of love, there are hells and paradises; and we can only catch a glimpse of some purgatory or other, which I demonstrate by quoting Canto XXX where Beatrice appears to the author in her otherworldly garments and with her symbol-enlivened entourage. As Tsvetaeva put it: 'I always rhyme "love" with "blood" (*lubov'* – *krov'*). It would appear that destiny concurs with Tsvetaeva; so do I when I refer to William Blake's *Marriage of Heaven and Hell*.

От имени не скрыться в мире:
 Оно все знает, не молчит.
 Ах, Рита, Рита, где псалтыри?
 Где Бог? В тебе времен магнит.

Ты прошлое и зори смерти,
 И нет причин для бытия
 Иного. Нет ни тьмы, ни тверди,
 А есть природная струя,

Родник, где чудо шевелится;
 Его сторонятся века.
 Не эликсир и не водица,
 А вечной прелести река

И Лёта. Жизни я забуду,
 Приду к тебе наискосок
 И обрету покорность чуду.
 Я верую, что есть листок,

Где суть записана навечно.
 Не я писал и не прочту.
 Мы – весть природы. Бесконечно
 Заворожим одну мечту.

Жить без тебя, всегда. Разлука.
 Лишь имя молвить: «Рита». Слово.
 Жизнь одинокая – разлука,
 Душе и духу ось, основа.

Мой дух блуждает по пустыне.
 Он – как верблюд, пространства вождь
 И времени. Живет отныне
 Одной лишь каплей. Хлынет дождь.

* * *

Осталось имя. Разогрело
 Воображение и листья.
 То стих, то дерево запело
 В соседстве стройной красоты.

Но что лукавить? Рита, буквы.
 Из букв построен мир. А сад,
 Очаг и чай с вареньем клюквы –
 Руками созданный обряд.

* * *

Вы – Маргарита, я – не мастер.
 Я – подданный, мастеровой,
 И как в стишке – дрянной ломастер
 Среди суматохи мировой.

Но метит жизнь к начальной ночке,
 Где все расставит по местам.
 Наш стих застрял на вечной точке:
 «Любовь и мир. И мира хлам».

Не мимолетное виденье,
 А даль исхода, неба лаз.
 Беспрекословное волнение –
 Та дерзость, благость, что ни час,

А вечность предлагает в смуте.
 И имя запоем судьбой:
 Ах, Рита, Рита. Мне в минуте
 Даны смятение и покой.

Гармония не есть прощанье,
 А есть основа без конца –
 То бесконечное свиданье,
 Что обнажает дух творца.

* * *

Застряла жизнь на высшей точке
И разошлась по небесам.
Мечта о мастере, о дочке,
Любовь, блаженство. Вой, бедлам,

Уступят место вилке, ложке,
Пушкину. Наш обед – букварь,
Где буквы счастья понемножку,
Легендой сложатся, как встарь.

* * *

Не власть пристойна, а сознание,
Что не один. И за стеной
Есть мир, на Бога упование.
И море встретится с рекой.

Уснуть, проснуться. Явь и сон.
Не отличишь мечту от жизни.
К тебе – корабль пьяный. Он
Несет меня к моей отчизне.

* * *

Есть преграды, нет картинок.
Жизнь – взаправду. Зазвенит
Человечий глас калинок
И малинок. Даль ланит –

Ностальгий источник. Время
Примирит меня с тобой
И с пространством. Гонит стремя,
Конь лихой несет игрой.

Принесет и встану рядом:
Без тебя нет ни Paris,
Ни Венеции. Лишь взглядом
Ты откроешь дань зари.

* * *

Где не скажется смятение
 Ты придешь. Ни там, ни сям –
 Только мне. Не привиденье,
 А подспорище полям,

Рощам, нивам. Все такое,
 Без чего и жизнь мелка,
 И рай беден. Ретивое
 Бьется. Осень коротка,

А зима стучится в двери.
 Пусть стучится, достучит.
 Достучался мир, и звери
 Занесли любовь в гранит.

* * *

День ушел, и день пришел.
 Только небо засияло,
 Да и рощей заиграло.
 А на дне сидит осел.

Он сидит, как в поле цветик.
 Все равно, и до ручья
 Доплетется мысль и «Светик».
 Кто же «Светик»? Та семья,

Что придумаю навеки.
 Ты да я. А я один.
 Набредутся имяреки.
 Я над миром господин.

Я господствую над светом,
 Темнотой. И ты со мной
 На Сенной, на Степной.
 Я приду к тебе с приветом.

Пусть угаснет, пусть пройдет.
 Запоем и водомет,
 И улыбка. Жизнь в калитку
 Забредет, подобно свитку.

* * *

Не начинай, не поздно. Снова вздохи.
Иду, куда бреду. А толку что?
Скажу за правду, за чело, за то.
А выйдут на поминки лес, пройдохи.

Мне мир мерцался. Сновидений ряд
Пополнился то грушей, то со стужей
Решил сплестись. И написался яд,
И записался. Претворился лужей.

Ничто. Что сделаешь со мной? Капкан.
Я – котик. У тебя узнаю счастье.
Мне суждено и нет. Возьму стакан
И разобью. И запишусь в ненастье.

* * *

Я записался в мир, вписался в точку.
И в ней – ручьи, цветы и звезд награда.
Я – женщина, и я себе так рада,
Что превратилась в брата, в мужа, в дочку.

Заесть кошмар и утопиться в море.
Оно всех разольет – судьбу и край.
Полушка, счастье, руку подавай.
Не дай остаться ввечеру́ и в зоре.

Возьми из времени и дай понять,
Что нет времен, годов, причин и доли,
А есть понюшка табаку и соли
Горстинка. Повороты, въезды вспять.

Разгадка. Неужели? Рита, дочка.
Я не один, один. Метель, залет.
Нигде не светит, но любовь гнетет.
Есть поцелуй и щечка, ушко, мочка.

* * *

Никто и никому не нужен,
И разделяют два вершка
Отцовский долг, прощальный ужин
И смерти тень – исподтишка.

А человек – предмет и сказка.
Я расскажу себе напев
Любви. За нею будет ласка
И ду́ши странных, чуждых дев.

Ушла, пришла. И молчаливо
Судьба за ручку повела.
Торопятся века, игриво,
А вместо меда, лишь пчела.

Ужалит и умрет. Покуда
Жизнь не уснет, толкует день,
И зябнет на прилавке чудо.
Но охраняет дар плетень.

* * *

Не знаю то и то, что было,
И что в неправду утекло,
И в правду, в семя. Гроздь уныло
Вино готовит. Замело.

Куда, зачем? Но дух природы
Воспрянет за чертой, в тоске.
Не нужен мир, стада, народы.
Ты, Рита, ворожишь в строке.

* * *

Творил что будет и начало;
 Судьба, конец, всему венец.
 Поставлю жизнь под опахало
 И вздумаю, что есть отец.

А что – ничто; и кто – никто.
 На дерзость набредут законы
 И скажут, что любовь – про то,
 Где проживают самогоны.

Но ты – за мной. Покой, летá.
 Да, Рита, жизнь – на «да», на слово.
 Ахиллу не нужна пята,
 А Ахиллесу смерть не нова.

* * *

Ты знаешь слово. Леворучка
 Напишет правою рукой.
 Растает в небесах та тучка,
 Которой Лермонтов «постой»

Сказал. Возник из океана,
 И мал, велик. Пространства там –
 Не часть Творенья, древа, плана,
 А струн надорванных бедлам.

Ни встреч, ни возгласов. Отсюда
 Сопряжена тропой быль.
 Пусть чудеса не знают чуда,
 А знают рожь, овес, ковыль.

Ты знаешь чудо. «До свиданья» –
 Не слово и не два. Везде.
 Ты – не для боли расставанья,
 А в бесконечной борозде.

* * *

Я знал лишь счастья рифмы, полутени,
 Китайских лаков затаенный взгляд
 И простоту непринужденной лени,
 В которую вплетает звукоряд

То Моцарт, то Бетховен. Счастье в миге,
 Что веком назову, судьбой, тобой.
 Оно прикосновение к нашей лиге,
 К гармонии, начертанной рукой,

И взглядом, мыслью. Время поредело.
 Пространство – точка. В этой точке я,
 Как в колыбели. Постигает тело
 И звезды Данте и восторг – моя.

* * *

Счастье – тупо, ложно, криво.
 Счастья нет, а есть метла,
 Что сметает рай игриво.
 Ты поверил? Дрожь, тела?

Привлеки к себе пространство
 И увидишь стены, ров.
 Упади в него, и чванство
 Превратится в груды дров.

Зажигай костер и пламя
 Погребет шальной экстаз,
 Дом, очаг. И князя знамя
 В грязь падет. А будний час

Болью мига вечность сдавит,
 Ласку подменит тоской.
 Сатана балами правит.
 Пахнет навсегда треской.

* * *

А счастье есть. К чему лукавить?
 К чему услуги Сатаны?
 Не врут божественные сны.
 И можно на попа поставить

Весь мир. Пусть вертикалью он
 Пронзит чертоги Бога. Радость
 Споеет «Аделаиду». Сладость,
 С мечтой соединясь, поклон

Отдаст и ниве, и страданиям,
 Могилам. «Нет» сольется с «да».
 А на столе стоит звезда,
 Не свечка. Здесь конец исканьям.

* * *

Ни то и ни другое: ни начало,
 Ни happy end. Срединка – широка.
 И не течет в моря Угрюм-река,
 А замерла, как смерти покрывало.

И жив, и нет. Улыбка на устах.
 Внутри то смех, то боль, то ничего.
 Белеет парус. Нет, как нет его.
 Кукушка сладко дремлет на часах.

* * *

Ты гредишься порой. Не знаю,
 Где ты, где рай, где что-нибудь.
 Мерещится просторный путь.
 Там место есть любви и маю.

Мы – ни с того, с сего. Из дома.
 И в этом доме печь легка.
 Она воспрянет в облака,
 А в небесах придет хоромы.

* * *

Ты знаешь – музыка дороже.
 А жизнь – куда, как горяча.
 Зарубится, срубит с плеча.
 Дрова и лес, и то же – тоже.

Но есть мотив. Ему – цена.
 И сладости в нем четверть пуда,
 А правды – вечность. Не до сна –
 До вещей древности, до чуда.

* * *

Ты – я. Не знаю, где граница,
 Где воскрешение, где Ницца.
 Судьба одна; и боль одна.
 И дума сердца решена.

Осталось время. За тобою
 Не миг, а доля. Чередую
 Пройдет, что было, и что есть,
 И послана Творенью весть.

* * *

Я – древо жизни, обормот, поддонок,
 И ветвь последнего, мной бытия
 Забытого навек. Займусь спросонок,
 Услышу призму, рощу, свое я.

Тебе я чужд. За дубом, за курганом
 Найду себя, его, страстной напев.
 Зайду и встану первородным станом
 И запляшу в согласьи добрых дев.

А все одно. Закроюсь и покуда
 Мне станет чудно и строка одна.
 Не запишу в тетрадку мощи, люда.
 Забудусь во пришествии вина.

* * *

С тобой, с собой. Всему обязан,
И правда слышится в реке,
А что-то, где-то вдалеке.
И навсегда судьбой повязан.

Я – нечто, пусто. За придурком,
Пригорком упоется мне.
Зайдусь мостом в Березине;
Проснусь в осаде прежним турком.

А завтра – утро. И спустилась
Моя любовь. Твоих очей
Запомнится вселенной всей
Душа. А жажда помутилась.

Люблю и просто. Навсегда –
Без жажды, без конца, без краю.
Я откажу любому раю,
А прикажусь тебе и «да».

* * *

*così dentro una nuvola di fiori
che da le mani angeliche saliva
e ricadeva in giù dentro e di fori,
sopra candido vel cinta d'uiliva
donna m'apparve, sotto verde manto
vestita di color di fiamma viva.
Dante, Purgatorio, Canto XXX*

Не все покончено. Тобою
Построен мир, построен час,
И ветка решена судьбою.
Нам было время. Дух про нас.

Про нас виденья и причины,
И за судьбой, за мостовой,
И рождество, и именины.
За нас молился почтовой.

Бульвары, люди, двери, реки.
Иду туда, сюда. Мертва.
Сомкнутся над свободой веки;
В прихожей грянет татарва.

* * *

Растаешь в небе вздохом, мимолетом.
И мне не время. Не поет зима,
А только стонет. Жалобы, тюрьма
Одарят строчку черным огнем.

Мы – вне закона. Нет закона счастья,
А смерть чарует вопреки уму
И вечности. Смятенью одному
Отдаться. Мне – пора ненастья,

Тебе – цвести. Не побегу я вспять.
Лишь пядь дана, и пядь сродни с могилой.
Воскрес из мертвых с ранней, чудной силой.
Не помечтаю о тебе опять.

* * *

Тебя узнал или пространство
Исследовал наискосок.
Над мною властвует не чванство,
А беспардонный холостяк.

Бреду туда, куда не знаю.
Решаю судебки с плеча.
Нашел замену вечну раю
В угрюмой песне палача.

Не затевай со мной чужбины:
Она готова, ей отдал
И торжество, и именины,
И вечно царствующий бал.

Сегодня больно. Будет время –
Еще одно, до бесконца.
Пришло на смену ново племя
И добралось до венца.

* * *

Нет разума во вселенной, нет причины.
Рождается из ничего, и нет возврата.
В тебе посыл судьбы, мольбы, любовь граната —
Не только цвет его, нюанс. И суть кончины.

Кончается не жизнь, не боль, а чувство ветки,
Что вдалеке растёт и в ночь, в неведомые рощи.
Тобой заговорят в надгробном мире мощи,
И мертвецы навек восстанут, будто малы детки.

A wound, an arrow. It's not love, just a wound.
 This wound leads nowhere, not even to
 Death. Sometimes death is far away and no arrow
 Can reach him. Why murder death? Why wound him?

A femme fatale is death in disguise; or an arrow, a heart,
 Paralysis. You look at the Earth: every femme fatale
 Is born of the Earth. You look at the hole,
 At the wound and death of the Earth, at her funeral.

You lift a cross; it drops into a fountain.

What's the end? I'll reach a star and give it to you.
 A Russian song. All songs lie and lead one astray.

You go astray and find another song, another star.
 Nothing comes; so you come and go and swim.

You see desert islands and deserts, their suns.
 There are many black suns in your deserts.

I'll forget everything. You're my nurse, my birth.
 Follow your destiny: rivers are always flowing upwards.

You're a woman I knew in another century. You speak
 And go to concert halls; you listen to music.
 You have your halls and music, your clothes and lives, deaths, births.
 You're born whenever I look at you. You're born
 Again and again. A star appears and I give you an apple
 And whatever I don't have. The whole world is too small for you.

You're a landscape I look at. I don't know anything
Except your landscape where I walked once upon a time.

Every century I walk around you. There's nothing else:
No other worlds or history. You're here and everywhere.
You're in the days to come, but these days are gone.

Everything is gone except our farewell, our beginning,
The marriage of Heaven and Hell, of Heaven and Heaven.

I met you before history and after.
Time is a fugitive and eternity an illusion.
We're in Moscow, in the middle
Of our street. A few houses, the snow
And your tenderness, only your
Face and arms, your Milky Way.

You're beyond a line, a square. What are they?
All these questions don't rhyme with life,
With anything. They're not a poem;
They're questions. You answer them and a lamppost
Answers you by revealing a square, a line.
And you resume your walk, your pursuit of love.
You conquer everybody and even the worlds
Lying beyond our world. You're happy.
And happiness is just beyond a line, a rectangle.

You come from an adjacent room. Even your eyelashes
Look familiar. Nothing stirs within my heart:
Neither love nor hate nor desire. I just wait.
You come and I don't welcome you. Why should I
Welcome my life? I should live it to the utmost.
Love, hate, desire? I stretch out my hand;
I look out of the window. You're my hand, the window,
A passer-by I see. A rhododendron bush.

I can't be sure. You were my wife
 And the rest of the world: two weeks ago,
 Three weeks ago. Time is coming and
 Going. This time it's going and I hold it,
 Lose it. Whatever I lose comes again.

Our children. I see them in the years to come.
 These years are coming and nothing stops them.

They come and I go. So many years
 And sorrows. They dance together.

You're an ideal woman:
 Love doesn't waste its time.

You're an immortal woman
 And a mortal goddess.

Too many words and only you.

We utter few words when we talk
 For hours on end. And our eyes
 Never speak about our souls.

Our souls need no eyes.

I might have died before our meeting,
 Our parting. I might have died.

I didn't. You'll see me in a few days.
 And even if you don't, I'll live for you,
 For another 'goodbye'. Our farewells
 Do not last. Nothing lasts except days
 And nights. We live outside colours
 And nuances. We're motionless.

Whatever happens doesn't happen.
 Only you happen everywhere.

And your 'everywhere' will last.

I was wrong. The opposite direction,
 Another direction. I go and come to some point.
 I don't see it; I don't want to hear about it.
 It's not the point I'm looking for.

You're not within this point, nor outside it.
 I go and see. I stay where I am. And you
 Say whatever can be said. I hear a sound,
 Two sounds. The world begins on the spot
 Where nothing remains except one sound,
 Two sounds. Our multiplication table.

Love may be silent. You listen to love
 And hear nothing, not even the sound
 Heard in Paradise. I hear no sound.

I hear you, but you're no sound, no
 Image, no woman, no man. You are
 What you are or nothing. And nothing
 Is bigger than anything. Yet I hear you,
 Listen to you, embrace you. I kiss you
 And hold you in my arms. I find my
 Ancestors, my brothers and sisters.

The *vita nuova* is new, old. Forever.

Our immortality is eternity. I'll know you
 In the end, at the beginning, in the middle.

All this began a long time ago, in days of
 Yore. I follow those days, our beginning,
 Our Middle Way, our Middle Ages,
 Our dark and light ages. I hold your light,
 Your darkness. What else could I hold?

I could hold your glance, your 'yes, yes'.

I might die in a few months.

What's left? There'll be nothing else
And if there's something, you'll find my
Corpse. Here it is. What can be done
With it, with anything else? You put
Everything under bushes and stones.

There's enough room for everyone.

There's no room for you. You're bigger
Than any grave, any palace. Love itself
Is not as big as you are. You're Egypt,
Cleopatra, Antony, Caesar and Octavian.

Some day I'll die in your arms. I promise.

No way leads anywhere. You get stuck
Whenever you venture outdoors. What's there,
Indoors? A few objects you recall
When you feel like it. Sometimes you don't feel
Like it and there's only light and one image
You can't get rid of. What do you call this memory,
Woman, image, sound? There's a name
Somewhere. This name is yours, yours forever.

I can send you one word. I'm sending it.
It's up to you to know what it is. It is, it isn't.
You'll understand; so shall I. I might
Understand everything before it's too late.

Well, I understand what I see on my walls;
Yet all these objects are things in themselves.

I am in myself, in you, on the walls, on the ceiling.
I'm hanging somewhere. My house is in your
Kingdom, your street. I'll sit on your pavement
And wait for old ladies to give me sixpence.

I see you in my mirror, outside it,
Outside the world. You're inside.

What's gone will never come back;
You come back and stay for a while.
But you'll never stay forever:
Only stones stay and die at last.

You're outside, beyond; inside.
Whatever is you is not you.
You're not what you are.

Through a glass, face to face. You are.

Another city, another street.
I know them by heart
Because I'll meet you there.

I know whatever you'll touch,
Whatever you'll look at.
I know what I cannot know.

Anyway, the future is at hand;
So is life and the knife I use
When cutting Christmas pudding.

Birth is all over the world.
I'll look at you tomorrow.
I'll know what's nowhere.

Days are unique and crucial. Today
Is not another day, another love.

Every day has its own death, but love
Is one. It is you and the rest.

The rest is also you: your presence,
Your absence and distance, your words

And what is not. And this weather.
And the flower my Buddha holds.

I'll never see you. You're not visible:
 Beauty is far away. I can't touch it. Why
 Should I? Beauty's in a class of its own.

I stand where I am. You're in the sky
 And there's a moment when we meet.
 Let's forget about the sky and beauty.

Why should we remember what's ours?
 What will pursue us wherever we go?
 Forever, forever, forever. Once again.

I'm fond of questions. I'll answer them
 In my lifetime, in your lifetime.
 Our questions are plants that grow and wait for us
 To answer them. How to answer a withering
 Flower? Why answer it? I'd better live and listen to the wind
 Blowing in other directions. Everything goes, but you
 Stay as if you were a marble statue.

You *are* a marble statue.
 You are a marble floor
 On which I'll kneel forever.

Is there 'nowhere'? You're here
 And beyond the corner. You're beyond
 Every corner, every image.
 There are no images. You're not an image,
 A sculpture. You are not. You are.

I see your shadow. It is neither a man
 Nor a woman. I go through it and walk along
 Many nights. There are so many nights
 In my life, any life. Even if you die in your infancy,
 You know many nights. And they know you,
 Your breath. And your breath doesn't know Atman,
 Altman. Your breath knows an old man.
 He's dying; so are you. Yet your breath
 Knows another breath, another air.

The word. Another.
 There. Monday
 And Tuesday. Days are
 Days and nights.
 And love is lost.
 And labours. Wednesday.
 I am your Friday. I am wrong.

Net, net. There's '*Nein*' in every
 Language, every word. You're mine
 And '*Nein*'. As easy as ABC.

Life is easy unless you decide to live it from
 Beginning to end. I live it and find
 Your body. What could I do? I could say
 Goodbye. I do say goodbye.

You're standing by the window.
 What do I see? A few souls,
 One soul. A clear view of the ocean.

You're not outside. Outside there are only
 Other climates and skies – the ones I've never heard about.
 I can't look at those skies, nor fly around them.
 I don't need them and their clouds, stars and nebulas.

Your hand is near, as usual.
 And usually you disappear
 As soon as a cock crows.

We are always woken at dawn
 By a cock crowing repeatedly.

No wind will ever carry me elsewhere –
 To treetops, to mountains,
 To swans whose songs can be heard every day.

Tomorrow is yesterday and all is lost, even
 If there's nothing to lose, not one minute,
 One glance.

I've lost your eyes, your soul,
 Your 'everywhere'. I may find them
 In the South of Italy, on the polar ice caps.
 I may find them in my chest of drawers.

I'll never find them.
 I'll just look for them.

Butterflies do not fly. They remain where
 They are: in a poem, in one's memory.
 And one's memory is one, two, three, four. There are
 Many memories and they await other memories
 As if they couldn't live without them,
 On their own. No memory can live on its own;
 No memory can live. Only life lives forever
 And we'll never know it, not even in our dreams,
 In our tombs, on our stars. Just one woman.

Silence does not answer.

Answers cannot hear questions
 Or love-hate relationships.

Silence is the only answer.
 What else could be done?

Silence. The valley widens here.

Another silence. I don't listen
 To whatever might happen in my life,
 In someone's life. And the road
 We're bound to take doesn't talk to us. We'll take
 All the roads we can think of. All these roads
 Talk about God and His absence. And absence
 Stands above every horizon you can lay your hands on.

You lay your hands on a horizon and find
 A goddess. There's only one star that'll fall sooner
 Or later. It will fall earlier – earlier than
 The Creation, the Annihilation.

Earlier than the cell from which
 Every Tree of Love will sprout forever.

Too many notes; a few words. I tapped my foot
 To the beat of the music. Nothing happened last month.
 Rhythm might happen, but that's just a symphony,
 A melody, a heart complaint, a coastal plain and other plains
 And trains. This happens and I listen to my Japanese
 Void. I hear the beat of music that neither
 Beats nor plays. Yet there's my music. I cannot stop from
 Creating the world and anti-world. Our love will die
 A natural death – no matter what life might say en passant.

Death displays no colours. And if there's a colour somewhere,
 It is not life. A man, a woman. They are
 Colourless but they speak of love. Love is red, blue
 And white. Love is as white as a white T-shirt,
 White walls and an old man. I *am* an old man; I am as white
 As love. And I like rich jewel colours, such as purple,
 Blue and green. *Vestita di color di fiamma viva.*
 (Green mantle, hue of living flame.)

I stared into her cold black eyes. Neither Beatrice,
 Nor Adelaida, nor Isolda, nor Audrey Hepburn.

Our last conversation. You're the last woman,

Man, flower. How to touch the last flower?
Why touch it? I'll say goodbye and go.

I'll go somewhere. I'll go to the land where
There are no flowers, no bushes.

I'll live in this land.
What else do I need?

I've got one life. It's two o'clock.

